

«НОВЬ» В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ КРИТИКИ: ТУРГЕНЕВ – ЧИТАТЕЛЬ ПЕРВЫХ ОТКЛИКОВ НА РОМАН

Как известно, со времени появления «Дыма» прошло девять лет, прежде чем Тургенев вновь приступил к созданию большого романа. Роман «Новь», которому суждено было стать последним, был задуман еще летом 1870 года, но написан очень быстро, в общей сложности за три месяца с небольшим.¹

Несомненно, писатель многого ожидал от появления романа на публике, надеясь, что непонимание, возникшее между ним и его соотечественниками после публикации «Отцов и детей» и «Дыма», будет развеяно и его голос вновь зазвучит в полную силу. Особенно он рассчитывал на «примирение» с молодым поколением. Вместе с тем по мере приближения выхода романа в свет возрастали его опасения, что роман может повторить печальную судьбу двух предыдущих.

Эти опасения не были лишены оснований. Острые критические выпады в адрес «Нови» начали появляться в прессе задолго до ее окончания. Так, еще в феврале 1876 года, когда Тургенев только приступал к написанию романа, едкие замечания прозвучали, например, на страницах «Отечественных записок», в очерке Н. К. Михайловского,² который и в дальнейшем не упускал случая нелицеприятно «высказаться» на этот счет. По поводу одного из подобных высказываний Тургенев, например, замечал в письме к Ю. П. Вревской (по окончании романа): «Не знаю, что такое я написал: критик “Отечественных записок” г-н Михайловский, как только начали ходить слухи о моем романе, обозвал меня “бездушнейшим человеком, который будет запускать свои неумелые пальцы в зияющие раны нового поколения!” — Сильно сказано!».³ Резкий отзыв Михайловского был спровоцирован на этот раз фельетоном А.В. Половцова в газете «Санкт-Петербургские ведомости» (1876. 29 июля (10 августа). № 207), навестившего писателя в Спасском и опубликовавшего затем под криптонимом «П» небольшой очерк, в котором привел ряд сведений о содержании нового романа, упомянув в том числе о намерении Тургенева изобразить в нем «некоторые новые явления среди молодежи».⁴ Фельетон Половцова привлек к себе пристальное внимание в различных кругах,⁵ а его высказывания о романе, как справедливо замечает современная исследовательница, «явились поводом для острой полемики по вопросу о роли творчества Тургенева в русской литературе 70-х годов».⁶

Задетый, по всей видимости, словами Тургенева (в изложении Половцова) о том, что среди нынешней молодежи «не имеется такого крупного типа, как Базаров, в котором мог бы находиться центр тяжести всего романа»,⁷ Михайловский упрекал писателя в утрате «чуткости» и скептически писал: «...я по совести говорю, что сам г. Тургенев – *не тот* “большой человек”, появление которого я предсказывал и который должен рассказать нашу историю, воспеть наши горести и радости. Заметьте, я говорю только, что он – не тот большой человек, которого нам нужно, а размеров его вовсе не умаляю. <...> г. Тургенев – большой человек. Большой, да не наш, Федот, да не тот».⁸

Был известен Тургеневу и цикл из четырех статей о его творчестве Е. Л. Маркова, опубликованный в газете «Голос» в декабре 1876 года, накануне выхода «Нови», который сам писатель назвал «похоронной речью».⁹

В этой обстановке писатель, безусловно, предвидел появление суровых отзывов о романе со стороны «зубастой критики». Его опасения особенно возросли после того, как редактор «Вестника Европы» из цензурных соображений принял решение разбить печатание романа на две книжки журнала – январскую и февральскую. На это решение Стасюлевича Тургенев неоднократно сетовал в письмах к различным корреспондентам¹⁰ и именно с ним впоследствии во многом связывал неуспех романа у публики в целом и у критики в первую очередь. Однако прозвучавшие до публикации единодушные благожелательные отклики о романе первых читателей, среди которых были близкие друзья и знакомые (Анненков, Кавелины, Головнин и др.), в том числе сотрудники редакции «Вестника Европы» (включая самого Стасюлевича), его отчасти приободрили.

Среди них, конечно, наиболее значимым для Тургенева был отзыв ближайшего друга и литературного советчика П. В. Анненкова, который, хотя и высказал ряд критических замечаний, в целом оценил роман весьма высоко – как «замечательное произведение, предназначенное производить бури и волнения не один год!».¹¹ При этом Анненков, одним из первых чутко уловивший, по замечанию Н.Н. Мостовской, основное достоинство романа – его публицистичность и общественное значение,¹² весьма прозорливо отмечал: «Да и вообще все Ваше создание написано **иначе**, чем прежние – **сразу не поражает, за некоторыми исключениями**, как, напр., кабацкая сцена <...>, но крепнет и растет уже после чтения, когда начинаешь припоминать его подробности и думать о них. **Букет его становится все сильнее по мере того, как тетрадь или книга откладываются в сторону. Это очень выгодно для судьбы произведения, в будущем, но для автора, для современного, всеобщего громадного успеха,**

какой оно бы заслуживало, не совсем выгодно. Надо Вам ждать изумления, ужаса, проклятия и ругательств на первых порах: они Вам следуют по всем правам». ¹³

Перечитав первую часть романа, Анненков на следующий день (5 января) развил свою мысль в письме к М. М. Стасюлевичу: «...я нахожу, что мало хвалил его (роман. – В. Л.) перед автором. Мне открылась в нем (романе) вполне лучезарная фигура Марианны, которую прежде я не так ясно различал, хотя и симпатизировал ей по инстинкту. Она, вероятно, будет **последним** персонажем, о котором заговорят критики, но зато **первым**, которое сделает роман Тур<генева> излюбленным детищем публики. Что за фигура, Боже, что за чудная фигура, когда поближе всмотреться в нее. Не совсем осиротела та земля, из которой поэт может извлекать такие типы. А вот подите – пожалуй, даже и после создания Марианны и Соломина станут упрекать еще Тургенева в неблагорасположении к молодому поколению и в непонимании его». ¹⁴ Забегая вперед, отметим, что и в оценке критикой образов Марианны и Соломина Анненков оказался прав.

Ожидая появления отрицательных рецензий со стороны так называемой прогрессивной критики, прежде всего на страницах «Отечественных записок», Анненков не без сарказма замечал: «Михайловский, вероятно, уже купил и новую коробочку стальных перьев для этой работы», – и просил далее знакомить его со всеми появляющимися откликами на роман. «Я употреблю все усилия, – писал он, – чтобы следить здесь за толками русской печати о “Нови”: помогите и Вы сообщением взглядов, какие не попадут в печать или попадут в печать, никому не известную. Дело крайне любопытное – зная, как понимает Тургенев юных деятелей, необходимо и занимательно знать, как они самих себя понимают». ¹⁵

И критика не заставила себя ждать. Уже 6 января появились развернутые (по два или по три подвала) рецензии в «Голосе», «Новом времени» и «Санкт-Петербургских ведомостях», 8 января откликнулись «Русское обозрение» и «Гражданин», 9 января – «Биржевые ведомости» и снова «Голос» и т. д. Практически все отклики, появившиеся в русской периодической прессе в первые десять дней после выхода романа в свет, были резко отрицательными. Рецензенты единодушно признали начало романа повторением старых мотивов.

Рецензент «Голоса» Г.А. Ларош, скрывшись за криптонимом «IV», прямо упрекал Тургенева в старческой болтливости, в эксплуатации образа русского революционера, в повторении идей и образов прежних произведений. «“Новь” г. Тургенева, – развязно писал он в своем фельетоне «Литературная летопись», – почтенные зады передового когда-то учителя, повторяемые с примесью какой-то старческой, по-

рою несколько утомляющей болтливости, которую читатель менее всего привык встречать именно у этого большого русского художника». ¹⁶ Поставив роман в один ряд с последними произведениями антиингилистического направления («Некуда» Лескова, «Панургово стадо» Крестовского, «Бесы» Достоевского, очерки Незлобина в «Русском вестнике»), разрабатывавшими тип русского революционера, Ларош не увидел в нем ничего нового. «В избитом, истрепанном мотиве русского революционерства сильный талант мог бы еще найти новые, пропущенные стороны, указать на незамеченные оттенки, проникнуть глубже в корень явления. К сожалению, этого не замечается в “Нови”». «Подпольные герои “Нови”, – продолжал он, – <...> не возбуждают к себе никакого художественного сочувствия и <...> ни на йоту не прибавляют к запасу понятий об особенностях этого мира, полученных нами из предшествовавших его роману произведений других беллетристов». ¹⁷ Далее Ларош последовательно подверг критике образы всех главных героев: Нежданов – «все тот же опять, в тысячу пятидесятый раз, тургеневский гамлетик и рефлектёр», «перенесенный в кожу революционера»; Паклин (которого Ларош на протяжении всей статьи упорно называет Пенкиным) – «резонёр романа, переделанный автором из Потугина “Дыма” в начитанного конторщика»; Сипягин – «тот же Паншин, произведенный в “тайные советники и камергеры”, тот же позёр, фразёр, охотник до преферанса, пустельга и эгоист с придачею “либерализма” как дани современному настроению петербургского чиновного мира»; Сипягина – «та же Одинцова “Отцов и детей”, только положенная на подкладку Дарьи Михайловны “Рудина”»; Марианна – вариация Елены из «Накануне» и т. д. ¹⁸ Особенное негодование Лароша вызвал сатирический портрет Калломейцева, в котором он увидел «грубую карикатуру» и «сомнительного вкуса шарж». ¹⁹

Едиственное исключение критик сделал для образа купца Голушкина, представляющего, по его словам, «Meisterst ck (шедевр. – нем.), достойный лучших времен творчества г. Тургенева». ²⁰ «...Из того, что мы прочли теперь, – писал в завершении своего обзора Ларош, – едва ли не вправе мы заключить, что в <...> “Нови” просто повторена та же основная, безотрадная идея его “Дыма”: полная несостоятельность разумной силы в русской стране, равно сверху, как снизу, в охранителях, как в прогрессистах, в руководителях, как в руководимых... / В том случае, что это должно выйти именно так, “Новь” будет уже совершенно неподходящее произведению заглавие. Ему тогда, в pendant “Дыма”, всего ближе следовало бы называться словом, которым уже выговорено г. Тургеневым устами Пенкина-Потугина: “Чепуха”...». ²¹

В один день с откликом Лароша в «Новом времени» вышла статья В.П. Буренина (под псевдонимом Тор) «Новый роман Ив. С. Тургенева».²² Прежде всего, критик отметил, с каким напряженным вниманием ожидалось появление нового творения писателя обычной публикой, а также в литературных и журнальных кругах. По его словам, это свидетельствовало о том, что «долгое литературное безвременье истомило читателей, что они давно жаждут увидеть живые художественные образы живой и современной действительности, что они давно жаждут найти в этих образах яркое и определенное выражение жизненных задач новейшего фазиса нашего развития».²³ Ознакомившись с первой частью «Нови», Буренин, однако, не решился дать о ней «положительного и определенного ответа», отложив его до выхода всего романа. Делясь с читателями некоторыми своими «замечаниями о впечатлении первой части», критик признал широту и злободневность замысла романа, а также его художественную ценность. «...Замысел романа, по-видимому, очень широкий и глубокий, – осторожно писал он, – заботы автора о придании этому замыслу “жгучего” современного интереса очень велики и сквозят повсюду, обработка подробностей тщательная донельзя и необыкновенно строгая, искусства и таланта на эту обработку потрачено бездна, но...». Раскрывая далее сущность этой «невольной» оговорки, Буренин в более мягкой форме повторил упреки Лароша и указал на то, что роман «в первой его части далеко не представляет свежести, силы и художественной определенности прежних крупнейших произведений знаменитого беллетриста <...> в новом произведении г. Тургенев с большим старанием и искусством подражает самому себе».²⁴ Не отрицая отдельных удач писателя (например, в изображении Сипягина – «чуть ли не самое яркое в художественном смысле лицо романа» – и Марианны), критик отмечал также, что у Тургенева «не вытанцевалась» фигура Соломина, в которой, по его мнению, оказалось «очень мало жизненных черт».²⁵ Последнее замечание было особенно болезненно воспринято Тургеневым, не без основания полагавшим, что низкая оценка этого персонажа, которого он считал «главным лицом»²⁶ произведения, была во многом обусловлена знакомством критика лишь с частью романа. По этому поводу он замечал в письме к Стасюлевичу от 13 (25) января: «...не совсем добросовестно со стороны г-на Буренина (Тора) говорить, что характер Соломина не вытанцевался, так как он едва является в 1-ой части».²⁷ Отметим, что после ознакомления с первой частью романа большинство критиков были единодушны в оценке образа Соломина, посчитав, что он «обрисован пока не совсем еще ясными чертами» (Г.А. Ларош), что, попадая в среду революционеров, «Соломин совершенно обезличивался <...> и вместе с другими проде-

лывал по меньшей мере неблагоприятные вещи для человека взрослого и зрелого» (М.Л. Песковский в «Русском обозрении»).

Ознакомившись с отзывами Лароша и Буренина (Тургенев выписывал в Париж обе газеты – «Голос» и «Новое время»), писатель с горечью писал Анненкову 10 (22) января: «Вы уже, наверное, получили “Вестник Европы” с первой частью моего романа – а также прочли статью “Голоса” о нем. – Из этой статьи (а также из статьи “Нового времени”) – и по другим причинам – молчанью друзей и пр., я должен заключить, что “не сбылись пророчества” людей, ко мне благоволивших – и что бедная “Новь” оказывается старьем – да еще неудачным. Восторженные письма Кавелина и его дочери, А. Головкина, заявления Пыпина и Е. Утина (редакции “Вестника”) в счет ставить нечего; даже Ване – столь дорогое для меня – мнение is not conclusive (не окончательно – *англ.*), как говорят англичане; безапелляционный суд публики решил – и не в мою пользу: в этом обманываться нечего».²⁸ В этом же письме впервые прозвучали слова о намерении «отложить на будущее время всякую литературную преокупацию – и подыскать себе какое-нибудь письменное занятие, которое наполнило бы оставшийся досуг уже довольно подвижной жизни».²⁹

Еще до получения данного письма Тургенева, Анненков, который также ознакомился с резко критическими рецензиями в петербургских газетах, поспешил поделиться с писателем своим впечатлением от повторного прочтения «Нови», подчеркнув, что роман «выдерживает опыт двойного чтения с великой для себя выгодой». «Все яснее выдвигаются фигуры, – писал он 11 января 1877 года, – и все так правильно, как часовой организм, стоит на настоящем своем месте, что это немалое наслаждение разлагать его в уме своем. Так, впрочем, и должно случаться с произведениями, которые не на один час пишутся, а на года и многие года».³⁰ Назвав прочитанные им рецензии Лароша, Буренина и В.В. Маркова «пустыми» и «мизерабельными», Анненков сравнил реакцию критиков на «Новь» с историей восприятия «Отцов и детей» и предрекал новому роману долговременный успех у читательской аудитории: «Пускай идет роман и ворочает нутро публики, а вы просите только у Бога годок-другой жизни, и тогда увидите, каким лучезарным светилом выйдет он, покуповавшись в грязях и солончаках журналистики и публики».³¹

В схожем ключе, что и в цитированном выше письме к Анненкову, Тургенев писал и Стасюлевичу: «...пришел № “Голоса”, в котором мне доказывают, что моя “Новь” – не что иное, как “старье”; – что будешь делать? – На всех не угодишь. – И в “Новом времени” – отзыв тоже неблагоприятный; воображаю, что скажут “Московские ведомости”! – Нужно запастись терпением».³² Примечатель-

но, что, вопреки опасениям Тургенева, сами «Московские ведомости» встретили первую часть романа молчалием. Первые статьи о «Нови» появились в газете лишь в марте 1877 года, после выхода второй части и окончания слушаний в Сенате по «процессу 50-ти», в корне изменившему отношение периодической печати к роману.³³

Между тем 9 января в «Голосе» был опубликован фельетон Б.М. Маркевича (выступившего под псевдонимом «Волпа») «Листок», часть которого, под названием «Война и г. Тургенев», была посвящена откровенно тенденциозному анализу «Нови»: «Что для <...> старца – смазливая рожица, то для господина Тургенева – популярничанье. Ну, не может человек, не может – хлебом его не корми, дай на этой струночке поиграть, дай хоть потереться около! Вот он, нет, нет, да вдруг какого-нибудь небывалого “республиканца” из *мещан* тридцатых годов выкопает, а то вот и огромный роман сочинит, со всякими современными повивальными бабками и тупицами из кадетов, и плещется с ними всласть, как рыба в воде. Это-де моя настоящая стихия, и хотя, милые мои, вы и не туда идете, а, главное, не так за дело беретесь, за это я вам легонько нотацию прочту – а все же я вас уважаю, и сердце мое ни к кому иному в России не лежит, и такой я уж сызмальства либерал, и вы меня полюбите за это, миленькие, а, главное, не браните, потому что брань меня убивает, и вот уже двадцать лет прошли, а я все еще забыть не могу, как меня за моих “Отцов и детей” жестоко бранили ваши предшественники...».³⁴ Усматривая в романе стремление автора к дешевой популярности, Маркевич не без злорадства привел оценку, данную творчеству Тургенева последних лет критиком «Санкт-Петербургских ведомостей»: «Евгений Марков очень верно заметил, что Тургенев отслужил России *всю* службу, какую он мог сослужить ей. Почтим его за это душевною благодарностью, а из русских *пророков* он еще с “Дыма” вышел...».³⁵ Авторство Маркевича не осталось неизвестным Тургеневу. «В “Голосе” – г-н Маркевич – (я знаю, что это *он* пишет под псевдонимом “Волпа”), – замечал он в письме к Стасюлевичу, – упрекает меня в старческом зуде популярничанья; – я бы мог ему ответить, что – как-никак – мне об *этом* хлопотать нечего; – но он мстит за “Ladislav’a”; – Господь с ним!».³⁶

Кроме того, Тургенев мог прочесть и следующий фрагмент из «Дневника» В.П. Мещерского в № 1 «Гражданина»: «...не чувствуешь в этом произведении любви художника к своим героям; он их пустил в свет, говорит: идите, говорите, действуйте, но я вас не люблю, никого из вас не люблю. Притом в изображении типов этого романа видно не глубокое, а поверхностное только их знание, знание скорее понаслышке. Сюжет романа: приключения нечаевцев-пропагандистов в народе, и вот эти-то типы пропагандистов как будто не были

изучены Тургеневым с природы, не прочувствованы насквозь, как его бессмертный Базаров».³⁷

Отвечая 13 (25) января на несохранившееся письмо Стасюлевича, поспешившего, по-видимому, сгладить удручающее впечатление от единодушного осуждения, которому подвергся роман на страницах газет в первые дни после его появления, Тургенев кажется спокойным и невозмутимым: «Нападки г-д критиков меня не удивили: всё это в порядке вещей. — Лишь бы только они не повлияли на публику и на ход подписки».³⁸ Однако в письмах к другим корреспондентам проскальзывают гораздо более горькие высказывания, показывающие, что критические нападки и уколы не оставили писателя равнодушным. Так, в письме к В. Рольстону от 12 (24) января он скупо замечает, что критика романа «в русских газетах довольно строга»;³⁹ более откровенно в тот же день он высказывается в письме к Г. Флоберу, в котором признается: «Газеты находят, что я выдохся, и бьют меня моими же старыми сочинениями (как вас бьют “Г-жой Бовари”».⁴⁰ Наконец, в письме к Вревской от 15 (27) января, говоря о романе, он впервые произносит слово «фиаско» и называет свою «литературную карьеру» «поконченной».⁴¹

Конечно, оскорбительные по тону рецензии Лароша и Маркевича вызвали ряд ответных откликов⁴² (в «Биржевых ведомостях», «Стрекозе», «Неделе» и др.), многие из которых вскоре стали известны Тургеневу. Так, во второй половине января Стасюлевич послал Тургеневу фельетон «Всякие “злобы дня”», помещенный в № 3 сатирического журнала «Стрекоза» (вышел в свет 16 января), автор которого выступил в защиту писателя от нападок «Голоса». «Маститый старичок поднес еще один роскошный подарок нашей литературе, — писал фельетонист. — Мы говорим о тургеневской “Нови”. / Целые томы наших современных беллетристов, имя которым легион и которые пишут главным образом для самих себя и для своих ближайших родственников, — не стоят десяти строк этого высокохудожественного труда. Какие типы, сцены, картины!». Далее фельетонист обрушился на критика «Голоса» и на его издателя: «Господин Краевский, сводя старые счеты с Тургеневым, возложил на присяжного рецензента своего (если не ошибаемся, г. Лароша) поручение “постричь” и “отбрить” почтенного беллетриста. И злосчастный рецензент, шлепая от усердия лбом об стену, исполнил свою задачу с ловкостью старого медведя, тактом дровосека и приличием целовальника. Сиясь всеми своими щупальцами уколоть Тургенева, наемник “Голоса” пришел к тому заключению, что “Новь” есть не что иное, как — подлинное выражение — *“ченуха”*! Вот уж доподлинно: Ай, моська! / Знать, она сильна, / Что лает на слона!»

(С. 2). В этом же номере, явно с полемической целью, был напечатан отрывок о Фомушке и Фимушке, сопровождавшийся следующим редакционным примечанием: «Мы позволяем себе заимствовать эту неподобную главу из читаемой в настоящее время всею Россией “Нови”. В ней – чудесная тургеневская теплота идет рука об руку с чисто гоголевским комизмом» (С. 3). Кроме того, на с. 4 журнала был помещен рисунок В.И. Порфирьева, на котором изображен Тургенев в образе крестьянина, стоящего за плугом; при этом у лошади завязаны глаза; рядом дана серия портретов персонажей «Нови». Следующий номер «Стрекозы» открывался размещенной на первой полосе карикатурой А.И. Лебедева «Тургенев и его критики», на которой гигант-Тургенев стоит, скрестив руки на груди, с добродушно-насмешливым выражением лица, а у его ног копошатся критики-лилипуты, один из которых читает «Новь», водя пальцем по строкам, другой пишет, остальные проявляют враждебные действия, стреляя из небольшого ружья, пуская стрелы и т. д.; вверху надпись: «А критики кто?».⁴³ Благодаря Стасюлевича за высылку последнего номера «моей покровительницы “Стрекозы”», Тургенев просил также передать «если возможно <...> кому знаете, мое спасибо»,⁴⁴ имея в виду, как установила Г. В. Степанова, фактического редактора «Стрекозы» И.Ф. Василевского.⁴⁵

Тронут был Тургенев и некоторыми словами в отзыве К. В. Лаврского, который появился в «Неделе» 16 января 1877 года,⁴⁶ и сочувственными отзывами, которые продолжали поступать от друзей и знакомых (например, А.В. Головина, А.М. Жемчужникова, А.В. Топорова и др.), однако общий пессимистический тон в его письмах на протяжении всего января продолжал нарастать, значительно усугубившись после выхода февральской книжки с окончанием романа и последовавшими новыми нападками в газетах, которые на этот раз сопровождались разгромными рецензиями в толстых журналах.⁴⁷ «...все журналы без исключения поносят меня, – констатировал он в письме к А.А. Трубецкой 12 (24) марта. – Никогда еще критика не была более единодушна – это то, что называется полным разносом».⁴⁸ Должно было пройти немало времени, чтобы нанесенные бойкими критиками раны затянулись и писатель вновь вернулся к литературной деятельности.

Примечания

¹ Точные даты работы над «Новью» Тургенев традиционно занес на титульный лист черновой рукописи романа: «Начат – в Париже, Rue de Douai, 50, во вторник 1-го фев./20-го янв. 1876. Кончен – в Спасском – в четверг

- 27/15-го июля 1876. 5 месяцев и 25 дней. (Писан с одним, почти двух-месячным, промежутком)» (см.: *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч.: В 30 т. 2-е изд., испр. и доп. Соч.: В 12 т., М., 1982. Т. 9. С. 492. Далее ссылки на это издание сокращенно: *Тургенев (2)*, с указанием серии, номера тома и страницы). Об истории формирования замысла романа см. коммент. Н.Ф. Будановой: Там же. С. 481–497, а также ее книгу: Роман И.С. Тургенева «Новь» и революционное народничество 1870-х годов. Л., 1983.
- ² Речь идет об очередном очерке из цикла «Вперемежку (Фантазия, действительность, воспоминания, предсказания)» (подпись: «Г. Темкин»), где Михайловский саркастично интерпретировал примечание самого Тургенева при публикации рассказа «Часы» в «Вестнике Европы» (1876. № 1. С. 7), в котором анонсировался скорый выход романа, как проявление чрезмерного авторского самолюбия и самоуверенности (Отечественные записки. 1876. № 2. С. 140–141). Достаточно подробную сводку откликов о романе см.: *Тургенев (2)*. Соч. Т. 9. С. 519–536. Следует отметить, однако, что и здесь они собраны не полностью, поскольку перед комментаторами не стояла задача фронтального учета всех известных (даже печатных) отзывов. Так, в процессе подготовки последнего тома Писем второго академического издания (т. 15, кн. 2) были выявлены не привлекавшиеся ранее рецензии, напечатанные в газетах «Московские ведомости», «Наш век» и др. Кроме того, в последнее время были выявлены неизвестные ранее данные, прежде всего благодаря публикации новых архивных материалов и обнаружению новых писем Тургенева (среди них значимое место занимает публикация писем П.В. Анненкова к Тургеневу, а также приобретенное заповедником «Спасское-Лутовиновое» письмо Тургенева к княгине А. А. Трубецкой).
- ³ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 1. С. 231. Письмо от 24 ноября (6 декабря) 1876. В ответном письме Вревская замечала (очевидно, со слов А.В. Топорова): «...что касается до Михайлов<ского> (“От<ечественные> зап<иски>”), то он очень озлоблен; и, кажется, готовится бранить» (цит. по: *Назарова Л. И.* С. Тургенев и Ю.П. Вревская // Русская литература. 1958. № 3. С. 187).
- ⁴ Подробнее об этом см.: *Мостовская Н.Н.* Из журнальной полемики вокруг «Нови» до публикации романа (Забывтые воспоминания А.В. Половцова) // Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 185–191. См. также главу «Полемика вокруг “Нови”» в ее книге: И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. Л., 1983. С. 66–79.
- ⁵ Так, А.Н. Пыпин поспешил сообщить о фельетоне Половцова М.М. Стасюлевичу, отметив в письме к нему от 31 июля ст. ст.: «О романе Тург<енева> заявлено в газетах <...> каким-то П., посещавшим Т<ургене>ва в его орловском имении, заявлено с великими сочувствиями и ожиданиями (цит. по: Там же. С. 187).
- ⁶ Там же. С. 186. Нельзя не согласиться и с выводом Н.Н. Мостовской о том, что Половцов неслучайно впоследствии исключил посвященный «Нови» фрагмент из своих воспоминаний, опубликованных уже после смерти писателя в 1883 и 1886 гг. (Там же).

⁷ Цит. по: Там же. С. 188.

⁸ Темкин Г. <Михайловский Н.К.> Вперемежку (Фантазия, действительность, воспоминания, предсказания) // Отечественные записки. 1876. № 8. С. 221.

⁹ См. его письмо к М.М. Стасюлевичу от 28 декабря 1876 (9 января 1877): Тургенев (2). Письма. Т. 15, кн. 1. С. 273.

¹⁰ См., например, его письма к П.В. Анненкову от 10 (22) января 1877, к В. Рольстону от 12 (24) января 1877, А.В. Головнину от 15 (27) января 1877, А.М. Жемчужникову и А.А. Трубецкой от 26 января (7 февраля) 1877 и др.

¹¹ Анненков П. В. Письма к И.С. Тургеневу: В 2 кн. / Изд. подготовили: Н. Н. Мостовская, Н. Г. Жекулин. СПб., 2005. Кн. 2. С. 44. Далее сокращенно: Анненков. Письма. Развернутый отзыв Анненкова о «Нови» см. в двух его письмах от 28 октября (9 ноября) 1876, написанных под первым впечатлением от прочтения романа: Там же. С. 40–44.

¹² Мостовская Н.Н. И. С. Тургенев и русская журналистика 70-х годов XIX века. С. 67.

¹³ Анненков. Письма. Кн. 2. С. 41. Выделено мною. – В. Л.

¹⁴ М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 3. С. 337.

¹⁵ Там же. С. 337–338.

¹⁶ Голос. 1877. 6 (18) января. № 6. С. 1.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 1–2.

¹⁹ Там же. С. 2.

²⁰ Там же. С. 1. См. также статью Г.В. Степановой «Первые отклики печати на роман “Новь”»: Тургеневский сборник: Материалы к Полному собранию сочинений и писем И.С. Тургенева. М.; Л., 1966. Вып. 2. С. 192–195; Тургенев (2). Соч. Т. 9. С. 521–522. Об отклике Лароша на вторую часть «Нови», кардинально изменившем свою точку зрения на роман под воздействием «процесса 50-ти», см.: Там же. С. 530.

²¹ Голос. 1877. 6 января. № 6. С. 3.

²² Новое время. 1877. 6 января. № 308. С. 1–3.

²³ Там же. С. 1.

²⁴ Там же. С. 2.

²⁵ Там же. С. 3. В дальнейшем (после выхода второй части романа и под воздействием «процесса 50-ти») мнение Буренина о романе несколько смягчилось, однако продолжал писать о «фальшивости общего замысла и исполнения» (Новое время. 1877. 25 марта. № 385. С. 2).

²⁶ См., например, его письма к Я.П. Полонскому и А.М. Жемчужникову: Тургенев (2). Письма. Т. 15, кн. 2. С. 32, 39. Чрезвычайно значимым в понимании этого образа представляется ставшее известным в недавнее время письмо Тургенева к А.А. Трубецкой от 12 (24) марта 1877. См.: Там же. С. 648.

²⁷ Там же. С. 24.

²⁸ Там же. С. 17.

²⁹ Там же. ³⁰ Анненков. Письма. Кн. 2. С. 50.

- ³¹ Там же.
- ³² *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 19.
- ³³ «Нови» были посвящены три фельетона Н. В. Щербаня «Литературно-политические заметки» в номерах за 21–23 марта ст. ст. (№ 69–71).
- ³⁴ Голос. 1877. 9 января. № 9. С. 1.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 24.
- ³⁷ Гражданин. 1877. 8 января. № 1. С. 14.
- ³⁸ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 24.
- ³⁹ Там же. С. 304. Подлинник по-англ.
- ⁴⁰ Там же. Подлинник по-франц.
- ⁴¹ Там же. С. 25–26. В том же томе он пишет и А.В. Головину: Там же. С. 26–27.
- ⁴² См.: *Степанова Г. В.* Первые отклики печати на роман «Новь». С. 192–195.
- ⁴³ См.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома. М.; Л., 1958. Т. 4: И. С. Тургенев. № 851.
- ⁴⁴ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 46. Письмо от 28 января (9 февраля) 1877.
- ⁴⁵ *Степанова Г. В.* Первые отклики печати на роман «Новь». С. 194–195.
- ⁴⁶ См. его письмо к М. М. Стасюлевичу от 22 января (3 февраля) 1877: *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 32.
- ⁴⁷ Сказанное подтверждается, например, следующей редакционной заметкой в газете «Наш век», вставшей с момента своего основания весной 1877 на защиту Тургенева: «“Новь” Тургенева сделалась теперь прибауткой всех, кому захочется лягнуть что-нибудь честное, смелое, молодое. Не прямое ли это доказательство того, что наш либерализм годился только для мелких счетов и дрязг; а резкой правды мы не выносим и из крупного, честного, либерального произведения берем только кличку, посредством которой упражняемся в ремесле обвинителей и *сикофантов*» (Наш век. 1877. 8 апреля. № 37. С. 3).
- ⁴⁸ *Тургенев (2)*. Письма. Т. 15, кн. 2. С. 647. Подлинник по-франц.

Н. П. Генералова
С.-Петербург

ЖЮЛЬ ВАЛЛЕС – ПРОТЕЖЕ ТУРГЕНЕВА В РОССИИ

Тема моего небольшого сообщения возникла, как это часто бывает, в ходе подготовки очередного тома писем второго издания Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева в 30 томах, которое началось в 1982 году и все никак не может завершиться. Впрочем, наша бурная история может похвалиться не одним таким случаем. Припоминается несостоявшееся издание Полного собрания сочи-